

Как ваше здоровье?

Я где-то читал, что женщины не любят неудачников. Они их жалуют... Но разве это нужно мужчине?! Бабушка считала моего папу неудачником. Она не заявляла об этом прямо. Но время от времени ставила нас в известность о том, что все папины товарищи по институту стали как назло главными врачами, профессорами или в крайнем случае кандидатами медицинских наук. Бабушка всегда так громко радовалась успехам папиных друзей, что после этого в квартире становилось тихо и грустно. Мы понимали, что папа был "отстающим" ...

- Хотя все они когда-то приходили к тебе за советами. Ты им подсказывал на экзаменах! - воскликнула как-то бабушка.

- Они и сейчас приносят ему свои диссертации, - тихо сказала мама, не то гордясь папой, не то в чем-то его упрекая. - Они получают творческие отпуска для создания научных трудов! А он и в обычный отпуск уже три года не может собраться. Каждый день эта больница! Операции, операции... И больше ничего. Хотя бы на недельку взял бюллетень: поболел бы, отдохнул, что ли ...

Вскоре мамино желание сбылось: папа заболел гриппом.

Телефон у нас стал звонить каждые две минуты.

- Как его здоровье? Как он себя чувствует? - спрашивали незнакомые голоса.

Сперва меня это злило: папа не мог уснуть. Вечером я сказал маме, которая вернулась с работы:

-Звонили, наверно, раз двадцать!

-Сколько? - переспросила мама.

-Раз тридцать! - ответил я, потому что почувствовал вдруг, что мама как-то приятно удивлена.

- Они мешают ему спать, - сказал я.

-Я понимаю. Но значит, они волнуются?

-Еще как! Некоторые чуть не плакали...от волнения. Я их успокаивал!

-Когда это было? - поинтересовалась бабушка.

-Ту как раз ушла за лекарством. Или была здесь, на кухне...

Точно не помню.

-Возможно...Звонков действительно было много! - сказала бабушка и с удивлением посмотрела на дверь комнаты, в которой лежал папа.

Она не ожидала, что будет столько звонков. Они обе не ожидали!

"Как здорово, что папа заболел! - думал я. - Пусть узнают... И поймут. Особенно мама!" Да, больше всего мне хотелось, чтоб мама узнала, как о папе волнуются совершенно посторонние люди.

В эту минуточку опять зазвонил телефон.

-Простите меня, пожалуйста...услышал я в трубке тихий, какой-то сдавленный женский голос. - Я с кем разговариваю?

-С его сыном!

-Очень приятно...Тогда вы поймёте. У меня тоже есть сын. Его завтра должны оперировать. Но я хотела бы дождаться выздоровления вашего папы. Попросите его, пожалуйста. Если возможно... У меня один сын. Я очень волнуюсь. Если это возможно. Я хотела, чтобы ваш папа сам, лично...Тогда я была бы спокойна!

- Повторите, пожалуйста, это его женё, - сказал я. То есть моей маме...Я сейчас её позову!
И позвал.

Ещё через час или минут через сорок мужской голос из трубки спросил:

-С кем я имею честь?

-С его сыном!

Прекрасно! Тогда вы меня можете понять. Моёй супруге будут вырезать жёлчный пузырь. Обещали, что вырежет ваш отец.

Именно поэтому я и положил её в эту больницу. Хотя у меня были другие возможности! Но мне обещали, что ваш отец... И вдруг такая неприятная неожиданность! Как же так? Надó поднять его на ноги! Может быть, нужны особенные лекарства? Какие-нибудь дефицитные? Я бы мог... Одним словом, я хотел бы его дождаться.

Больница - не театр: здесь дублёры меня не устраивают.

-Скажите всё это его женё. Вот так, как вы говорили мне...

Слово в слово. Может быть, она сумеет помочь.

И опять позвал маму.

В последующие дни я говорил всем, кто интересовался папиным самочувствием:

-Сейчас ничего определённого сказать не могу.

Вы позвоните вечером. Как раз его жена будет дома. Она вам всё объяснит...

Вернувшись с работы, мама усаживалась в коридоре, возле столика с телефоном, и непрерывно разговаривала с теми, кого я днём просил позвонить.

Больные, врачи, медсёстры, которые звонили папе, каждый раз спрашивали:

-А какая температура?

К сожалению, температура у папы была невысокая. А мне хотелось, чтобы все они продолжали волноваться о его здоровье! И я однажды сказал:

-Температура? Не знаю...Разбит градусник. Но лоб очень горячий. И вообще, мечется!...

Так я в тот день стал отвечать всем. Я говорил шёпотом в коридоре, чтобы папа не слышал. Мой шёпот на всех очень действовал. И мне отвечали тоже чуть слышно:

-Все ещё плохо?

-Да...Позвоните попóзже, когда будет его жена!

Вечером нам принесли целых четыре градусника.

-Хóчется, чтобы у него была нормальная температура, - тихо сказала та самая женщина, сыну которой папа должен был что-то вырезать. И протянула мне градусник. - Он всё ещё мечется?...

-Нет, ужé лучше, - сказал я.

-Поставьте ему этот градусник, - попросила она. Будто от градусника что-то зависело.

По-мóему, есть замéтное улучшéние, - вновь успокоил я жéнщину.

Она заплакала и ушла.

Когда-то, в юные гóды, мáма любила ученикá музыкальной шкóлы, котóрый игрáл на виолончéли. И дáже стал лауреáтом всеросси́йского кóнку́рса. "Далеко́ пошёл!.." - любила говорить о нём бáбушка.

- Неужели вы дúмаете, - сказа́л я на кúхне мáме и бáбушке, - что е́сли б вам виолончелист заболéл гриппом, ему́ бы стóлько звонили!

И купили бы стóлько гра́дусников?!

-Ну, что ты! Ра́зве мо́жно срáвнивать? - воскликнула бáбушка. - Тут же речь идёт о челове́ческих жизнях...

-Да, он ну́жен лю́дям, - сказа́л я.

-Безуслóвно! воскликнула мáма.

Не заболéй па́па вирусным гриппом, она́ бы ни за что́ этого не воскликнула. То́ есть она́ произнесла́ бы, мо́жет быть, то же са́мое слóво, но не так грóмко, не так увéренно. Во всех газéтах пишут, что с вирусным гриппом на́до беспощáдно борóться. А я в тот день дúмал об эти́х вирусах с не́жностью и дáже с любóвью...Что поде́лаешь, е́сли óни мне так помогли!...

В тот день я твёрдо решил, что е́сли меня́ и дáльше дóма бúдут недооце́нивать, я то́же тяжелó заболéю. Хорошó бы́ло бы умерéть...на вре́мя, что́бы все по́няли, когó потеряли! Но так как это, к сожалению, невозможно, я обяза́тельно заболéю. И весь наш класс (все sóрок три челове́ка) бúдут звонить. Уж я постара́юсь!Тогда́ все срáзу пойму́т...